

изъ массы представляющихся ему (и сводящихся всё къ двумъ указаннымъ нами)—ему еще не дается: онъ постоянно смѣшиваетъ, почти отождествляетъ ихъ; при самой исключительной, для его возраста, сосредоточенности въ себѣ, заставляющей его до малѣйшихъ потребностей участвовать въ своей внутренней психической жизни, — истинное этическое γωβι: σκαῖον ему все таки не дается!...

Здѣсь все характерно: и безразличіе съ которымъ свѣлены въ одну общую кучу такіе идеалы совершенства, какъ религіозные и гимнастическіе, и постоянство, съ которымъ чередуются въ немъ одно за другимъ, начала этическое и эстетическое, и самая, наконецъ, эта удивительная въ немъ способность, не будучи самъ чѣмъ либо опредѣленнымъ, примѣривать къ себѣ, или себя примѣривать то къ одному, то къ другому идеалу совершенства, не зная, чѣмъ лучше, чѣмъ красивѣе быть; читая, напр., романы, онъ находитъ въ себѣ самомъ всё описываемыя страсти, сходство со всѣми героями, со всякими характерами, лишь бы они были «цѣльными»: ему нравилось именно то въ нихъ, чего не доставало ему самому—что тамъ — «добрый, такъ ужъ добрый; злой, такъ ужъ совсѣмъ злой—именно такъ, какъ онъ воображалъ себѣ и любилъ людей...»

Говоря о чувствахъ своихъ, бывшихъ предметомъ его мечтаній въ ту пору, онъ говоритъ, что онъ въ особенности желалъ, чтобы его всё знали и любили: «мнѣ хотѣлось сказать свое имя: Николай Иртепьевъ, и чтобы всё были поражены этимъ извѣстіемъ, обступили меня и благодарили за что нибудь!...» Желаніе это—чисто эстетическое и оно культивируется въ цѣломъ поколѣніи героевъ гр. Толстого, переходя отъ одного къ другому. Перечитывая послѣдній разъ «Войну и миръ», мы, совершенно случайно, добравшись до эпилога романа, на который, признаться, не обращали